

УДК 902; 908

DOI: 10.37279/2413-1741-2021-7-2-66-80

**«ПРОШУ ЗАЩИТИТЬ МЕНЯ, В КОНЦЕ КОНЦОВ,  
ПРОСТО ОТ ФИЗИЧЕСКОЙ ГИБЕЛИ... »:  
НОВЫЕ ФАКТЫ К БИОГРАФИИ Н. Ф. КАЛИНИНА**

**Зоря Р. С.**

*Институт археологии им. А. Х. Халикова АН Республики Татарстан  
г. Казань, Российская Федерация  
E-mail: romanzorya@bk.ru*

На основе архивных источников, хранящихся в Институте языка, литературы и искусства Академии наук Республики Татарстан, освещены малоизвестные факты биографии выдающегося казанского историка, археолога, музейного деятеля, краеведа и педагога – Николая Филипповича Калинина (1888–1959). Эти источники демонстрируют, в каком тяжелом положении находился Центральный музей ТАССР в те годы и отчасти передают ту обстановку, которая царил в стенах учреждения. Подробно рассмотрены события, связанные с конфликтом исследователя с руководством Центрального музея ТАССР в 1934–1936 гг., приведшие к его увольнению. Привлечение материалов судебно-следственных мероприятий по делу Н. Ф. Калинина, а также использование делопроизводственной документации и эпистолярного наследия ученого, позволили пролить свет на непростые события, произошедшие в жизни исследователя в период 1936–1938 гг. Установлено, что один из главных создателей археологической школы Казани в 1937 г. короткое время работал на Крымском полуострове в Евпаторийском краеведческом музее.

**Ключевые слова:** археология, Н. Ф. Калинин, Татарстан, Евпаторийский музей, Центральный музей ТАССР, биография, краеведение.

Одним из приоритетных направлений современных исследований является изучение деятельности и наследия предшественников, а изучение личности ученых стало в последние десятилетия в отечественной историографии объектом специального исследования. Среди ученых, внесших весомый вклад в историческую науку советского периода, особое место занимает Николай Филиппович Калинин (1888–1959) (Рис. 1). Н. Ф. Калинин известен не одному поколению исследователей как профессиональный казанский археолог, историк, краевед, музейный работник, педагог, преподаватель [1, с. 2].

Высшее образование Николай Филиппович получил в Казанском университете в 1906–1910 гг. Из архивных данных известно, что его научным руководителем был М. М. Хвостов<sup>1</sup>. Курс средневековой истории был зачитан В. К. Пискорским<sup>2</sup>, а курс

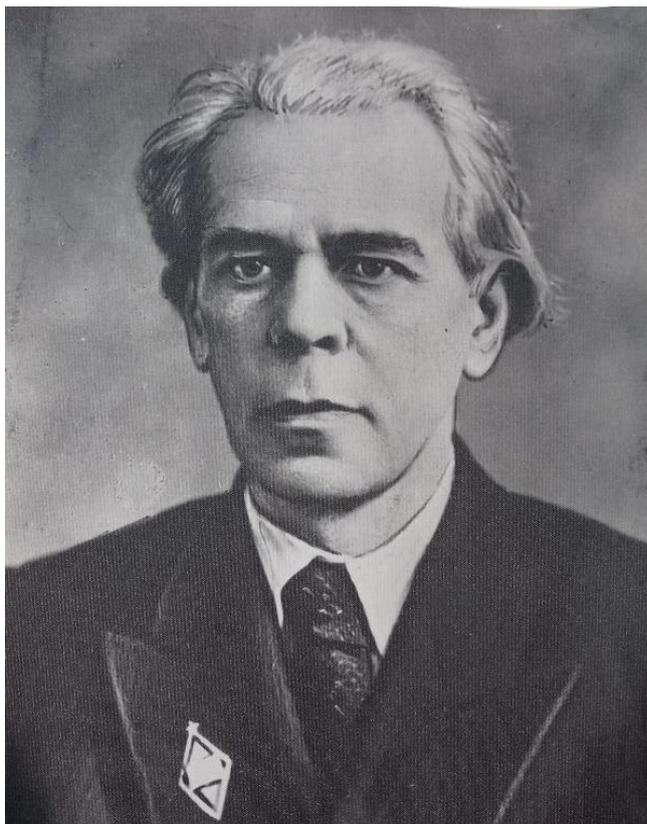
---

<sup>1</sup> Михаил Михайлович Хвостов (1872–1920) – историк античности, проф. древней истории, председатель ОАИЭ 1914–1919. Преподавал в Казанском университете на историко-филологическом факультете с 1900 по 1918 гг.

<sup>2</sup> Владимир Константинович Пискорский (1867–1910) – основатель отечественной испанистики, проф. западно-европейской истории. Преподавал в Казанском университете на историко-филологическом факультете с 1906 по 1910 гг.

русской истории – Н. Н. Фирсовым<sup>1</sup> [2, с. 30] Одним из однокурсников Н. Ф. Калинина был Н. П. Грацианский – в последствии великий историк-медиевист.

После окончания университета молодой Калинин, в основном, занимался преподаванием истории и географии в школах, где он создавал краеведческие кружки. Однако основательная научно-исследовательская практика Н. Ф. Калинина начинается в 1920-х гг. Это было время расцвета краеведческого движения в СССР. В этот период Николай Филиппович преподает историю в школе № 3 г. Казани, вступает в местные научные сообщества и начинает работу в Центральном музее [3].



*Рисунок 1. Николай Филиппович Калинин (АИЯЛИ АН РТ. Ф.8. Оп. 3. Ех.47 Л.4). Фотобумага. 1950 г. (?).*

---

<sup>1</sup> Николай Николаевич Фирсов (1864–1934) – специалист по истории российского города, проф. русской истории. Преподавал в Казанском университете на историко-филологическом факультете с 1891 по 1914 гг. Председатель ОАИЭ в 1924–1930 гг., председатель НОТ в 1923–1929 гг.

После разгрома краеведческого движения и отъезда М. Г. Худякова и В. Ф. Смолина, в 1930-е гг. единственным профессиональным археологом в Казани остается Н. Ф. Калинин. В те годы работа ученого была сосредоточена в стенах Центрального музея, который, по сути, являлся местным центром историко-краеведческой и археологической деятельности [4, с. 299].

В историко-археологическом отделе Центрального музея республики Н. Ф. Калинин проработает до начала августа 1936 г. (Рис. 2) [5, л. 51]. Его непримиримость с разгильдяйством в музейной работе приводила к острым конфликтам с руководством. В архиве Института языка, литературы и искусства Академии наук Республики Татарстан (далее – ИЯЛИ АН РТ) сохранились многочисленные акты, рапорты и обращения Н. Ф. Калинина в дирекцию музея [6].

Новое руководство видело в Николае Филипповиче последователя «прежнего курса», более грамотного и опытного специалиста с активной гражданской позицией, что вызывало раздражение. Конфликтная ситуация, длившаяся несколько лет, сопровождаемая политическими и личными обвинениями со стороны очередного руководства музея Г. И. Республиканца привела к увольнению Н. Ф. Калинина из Центрального музея [7, с. 370].

После неоднократных просьб ученого, в конце февраля 1936 г. приказ о снятии его с должности заведующего отделом был подписан, но с унижительной формулировкой<sup>1</sup>: «За преступно-халатное отношение к учету и хранению экспонатов и за развал всей работы исторического отдела зав[едующий] и[сторическим] о[тделом] Калинин с работы снят... с 26.02 с.г. з[аведующим] и[сторическим] отд[елом] назначить т. Галимова» [8, л. 4]. Н. Ф. Калинин, отдавший много лет служению Центральному музею, не мог согласиться с такой постановкой вопроса. Он с горечью пишет: «Такая позорящая меня мотивировка расценивает всю мою многолетнюю и разнообразную широкого объема работу по музею как бесполезную и вредную. Я никогда не соглашусь с такой оценкой. Думаю, что при более внимательном ознакомлении с моей работой никак не может получиться подобного рода мотивировка» [9, л. 18].

В связи с увольнением и последующими обвинениями и попытками привлечь ученого к уголовной ответственности, представляют интерес некоторые документы, сохранившиеся в фондах архива ИЯЛИ АН РТ. В первую очередь это отдельная папка под названием «Судебно-следственные материалы по делу Н. Ф. Калинина в период его работы в Государственном музее Татарской АССР. Машинопись с подписями автора». Как указано в этом деле, состоящем из его нескольких объемных объяснительных записок следователю на 58 листах, оно было начато в 20 июля 1936 г. и окончено 24 августа того же года [10, л. 58]. Как справедливо указали А. Г. Ситдииков и П. Н. Старостин, которые первыми обратили внимание на данный документ, эти материалы дают возможность представить серьезность

---

<sup>1</sup> Увольнение опытных музейных работников в те годы не было уникальным явлением. Так, практически с аналогичной формулировкой был уволен Б. П. Денике (см. Алпаткина Т. Г., Голенищева-Кутузова В. Е. «Автобиографическая канва» Б. П. Денике // Российская Археология – 2002. – № 2. – С. 158).

душевного надлома Н. Ф. Калинина, который от сухого изложения фактов переходит к агрессивному политическому обвинению противников [11, с. 6].

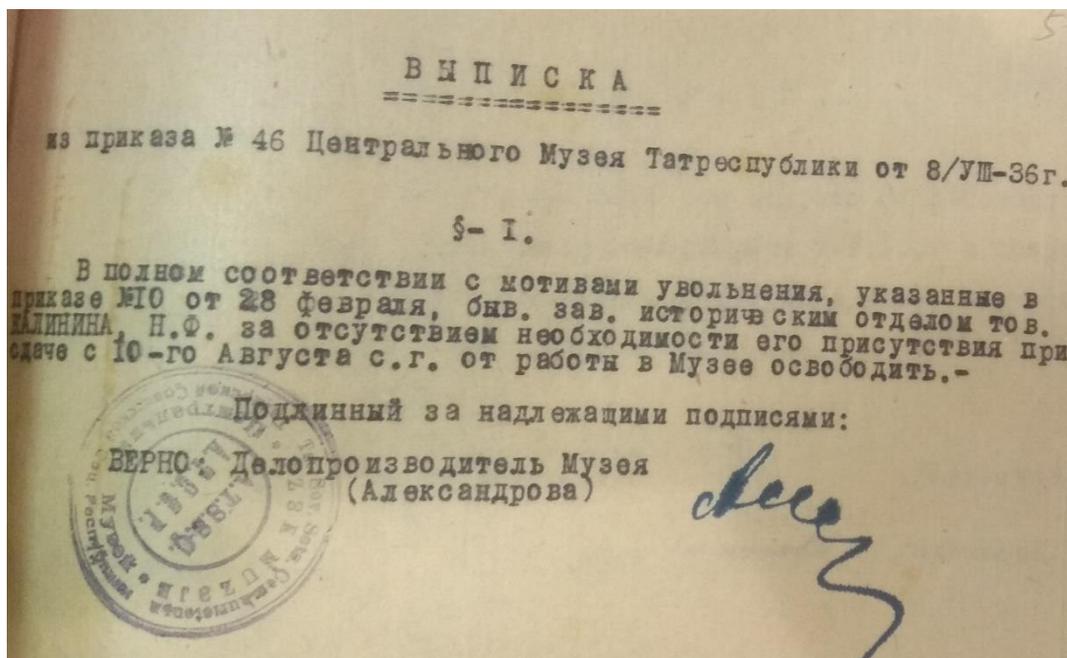


Рисунок 2. Выписка из приказа № 46 ЦМ ТАССР об увольнении Н.Ф.Калинина. Публикуется впервые. (АИЯЛИ АН РТ. Ф.8. Оп. 3. Ех.7 Л.51). Бумага, машинопись. 08.08.1936 г.

Первое из трех объяснений в этом деле датируется апрелем 1936 года. Объяснительная записка Н. Ф. Калинина посвящена подробному отчету работы в музее, доказыванию несправедливости формулировки увольнения, отстаиванию своего честного имени. Объяснительная, состоящая из восьми машинописных страниц, и условно разделенная на пять разделов: учет музейных коллекций, экспозиционная работа, политико-просветительская работа, организационная и общественная работа. В конце своей записки Н. Ф. Калинин особое внимание уделяет выговорам, вынесенным ему руководством музея и демонстрирует не только очевидную несостоятельность, но и полную абсурдность обвинения в свой адрес [12, л. 18–23].

В отличие от последующих объяснительных записок, здесь складывается ощущение того, что Н. Ф. Калинин еще надеется на некоторую справедливость. Пытаясь объяснить истинную ситуацию в Центральном музее, ученый называет действительные причины тех недостатков в работе, которые ему хотят вменить, называет некоторые имена работников музея, которые причастны к этим

недоразумениям. Однако по тексту видно, что никаких других обстоятельств и имен он не называет, вся объяснительная записка выдержана в рамках обстоятельств, вытекающих из вынесенных в его адрес выговоров. Это особо заметно на фоне разворачивающихся в тот период событий в стране. Н. Ф. Калинин никоим образом не затрагивает политические проблемы и, тем более, не выдвигает политические обвинения в адрес своих обидчиков, что было бы в духе того времени. Речь идет сугубо об административно-хозяйственной деятельности учреждения и его сотрудников.

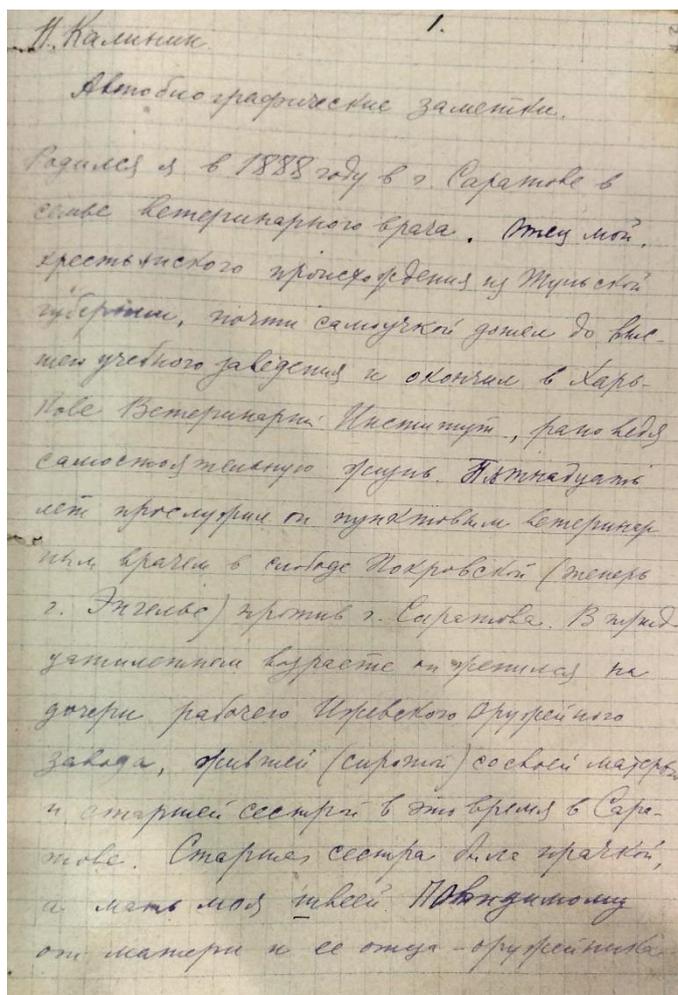


Рисунок 3. Автобиографические заметки, составленные Н. Ф. Калининым. Публикуется впервые. (АИЯЛИ АН РТ. Ф. 8. Оп. 3. Ех. 9 Л. 7). Бумага, чернила. Июнь 1936 г.

Однако чувствуя нависшую угрозу, в июне месяце Н. Ф. Калинин составляет «Автобиографический очерк» (Рис. 3) [13, л. 7–14]. В нем автор указывает на отрицательное отношение к царскому правительству, руководству и педагогам гимназии, подробно описывает участие в протестных сходках и политических кружках, а время обучения в университете характеризует как «мрачные годы реакции» [14, л. 9–10]. Ученый неоднократно подчеркивает свою политическую лояльность к большевикам и стремление следовать «указаниям дорогого вождя И. В. Сталина» [15, л. 14].

В рамках «борьбы с контрреволюционными элементами» следствие пыталось предъявить обвинение в сопричастности ученого к «руководству троцкистов» в Центральном музее. Это были годы репрессий, свежи были воспоминания об «академическом деле», когда против представителей старой интеллигенции фабриковались уголовные дела [16]. Стремясь сохранить жизнь, Н. Ф. Калинин попытался таким образом обезопасить себя<sup>1</sup>.

В июне месяце того же года противостояние Николая Филипповича и руководства музея вышло на новый виток. Так, в одной из записных книжек сохранилось следующее свидетельство об угрозах со стороны директора Г. И. Республиканца: «Как это так у вас все неладно выходит? Вы скрываете отчет, который послали в ГАИМК [речь идет про отчет об археологических работах в Казанском кремле в 1935 г. – Р. З.]. Имейте ввиду, что я затребую отчет из ГАИМК и скомпрометирую вас перед ГАИМК. Вы не желаете подавать проект работ на буд[ующий] год, так это не мешает работу проводить [имеется ввиду работу музея – Р. З.], работа будет, деньги есть, а вы не будете работать [подчеркнуто Н. К. – Р. З.]. Вы клочки какие-то в деле оставили, а отчет нет» (Рис.4) [17, л. 3].

Сам Н. Ф. Калинин отметил, что «А на самом деле я оставил весь отчет (он был напечатан в III-х экз.) – в канцелярии. Это дело полностью, я сам нумеровал даже листы, чтобы ничего не пропало. Почему директор говорит, что этих бумаг нет? Не Насыров<sup>2</sup>-ли взял его, не сам-ли?» [18].

Опасаясь за свою жизнь и репутацию, ученый 18.07.1936 г. отправляет спешной почтой письмо в ГАИМК на имя М. Г. Худякова<sup>3</sup>. Как можно судить из ответного письма от 27.07.1936, Н. Ф. Калинин изложил сложившуюся ситуацию в музее, поделился своими переживаниями и просил совета (Рис. 5). Михаил Георгиевич старался его успокоить: «Я не думаю, что музейная администрация станет возбуждать против Вас судебное дело. Это было бы величайшей глупостью с их

<sup>1</sup> Отметим, что в более поздних автобиографиях содержатся лишь упоминания об участии в протестных сходках в годы обучения, а какие-либо оскорбительные фразы и резкие политические высказывания в адрес своих прежних педагогов отсутствуют.

<sup>2</sup> К. Н. Насыров – заместитель директора Центрального музея ТАССР в 1933–1936 гг.

<sup>3</sup> Михаил Георгиевич Худяков (1894–1936) – д.и.н., археолог. Ученик Н. Н. Фирсова и П. А. Пономарева. Член ОАИЭ. Возглавлял исторический отдел Центрального музея ТАССР до 1924 г. В 1925 г. переехал в Ленинград, с 1931 – сотрудник ГАИМКа. В сентябре 1936 арестован по обвинению в участии «в контрреволюционной троцкистско-зиновьевской террористической организации». Расстрелян 19 декабря того же года.

стороны, так как выплыло бы на свет все то, о чем Вы писали в письме ко мне, отношение администрации к Вам и т.д... С их стороны было бы просто глупо возбуждать такое дело... Вам лично бояться судебного дела (если оно, сверх ожидания, возникнет) нечего, так как совесть у Вас совершенно чиста, а за недостаточную охрану ответственны не столько Вы, сколько администрация музея. За время Вашего заведования отдел увеличился в несколько раз...» [19, л. 62–63]. Он также написал, что «директор музея ничего о Вас а ГАИИМК не писал» и посоветовал за поддержкой обратиться в Казанское бюро Секции научных работников [20, л. 65].

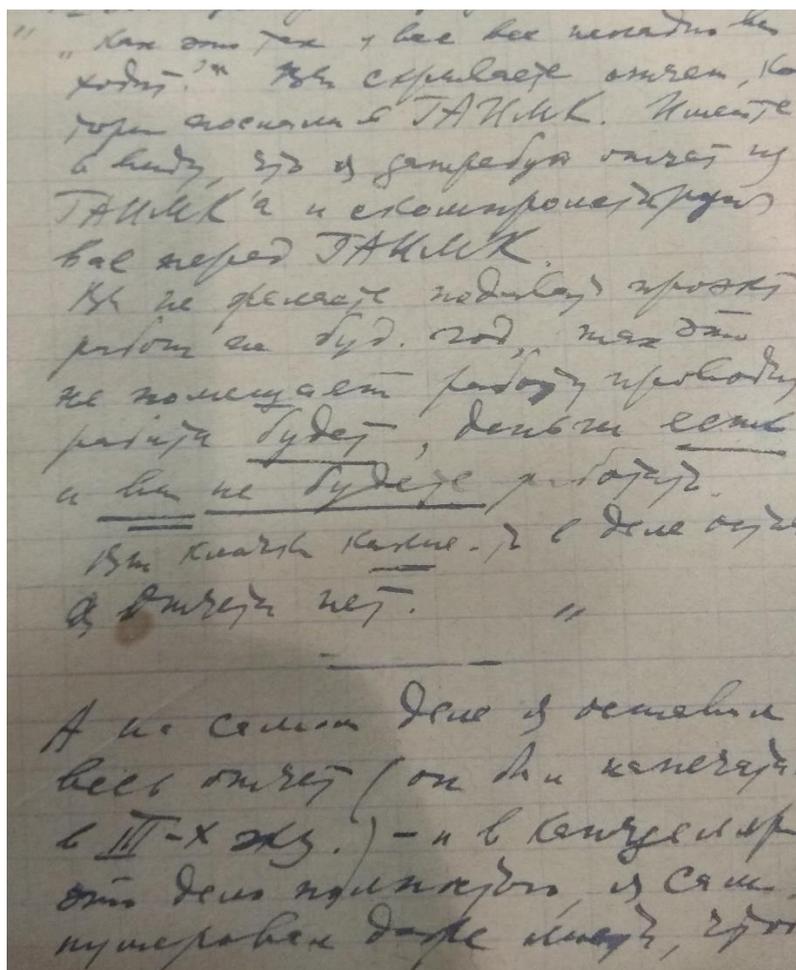


Рисунок 4. Запись разговора Н. Ф. Калинина с директором Центрального музея Г. И. Республиканцем. Публикуется впервые. (АИЯЛИ АН РТ. Ф.8. Оп. 2. Ех.50. Л.3). Бумага, чернила. Июнь 1936 г.

В начале августа 1936 г. Н. Ф. Калинин был составлен еще одна объяснительная записка. По содержанию она схожа с первой, но более подробна в деталях и уже затрагивает конкретных руководителей и служащих музея. Ученый жаловался на произвол со стороны нового директора Л. А. Ахметшина, его заместителя К. Н. Насырова и их окружение. Фактически он оправдывается от предъявленных несправедливых обвинений, вследствие чего вынужден назвать пороки и нарушения со стороны своих обидчиков, среди которых пьянство, корысть, пользование в личных целях музейным имуществом и т.д. Имеются и более серьезные претензии. Так, К. Н. Насыров окружил себя на работе родственниками и друзьями, которых обеспечил квартирами; в музее организована заведомо плохая охрана, что привело к неоднократным кражам, причинившим существенный ущерб и т.д. [21, л. 22–23].

Дорогой Николай Филиппович!  
 Сердечно благодарю Вас за Ваше дружеское письмо (от 18. VII), посланное мне специальной почтой. Я получил его с замешательством, так как находил в отпуску и захожу в ГАИМЖ только изредка, а на квартиру мне его не переслали. Ваше письмо произвело на меня поразительное впечатление: ведь оно — крик надоевшей, страдающей души. До сих пор я не имел понятия о том, что творится в Казани, так как писал ни от кого не получал, и Вы впервые развернули предо мной это сложную картину печальных "порядков" или, вернее, беспорядков в музее. Я вполне понимал, как Вам трудно и мужественно жить и работать в этой тяжелой обстановке. Ваше самоубийство должно подчеркиваться сознанием полной правоты Вашего дела и полной бескорыстности Вашей научной деятельности. В науке Вы занимаете определенное и известное всем специалистам положение в качестве лучшего знатока исторической топографии г. Казани, а также одного из крупнейших специалистов по истории Поволжья вообще. Ваши печальные труды пользуются докторской известностью и Вы вполне можете рассчитывать на полнейшее уважение к Вам со стороны научной общественности.

Рисунок 5. Письмо М. Г. Худякова Н. Ф. Калинин. Публикуется впервые. (АИЯЛИ АН РТ. Ф.8. Оп. 4. Ех.44. Л.62). Бумага, чернила. 27.07.1936 г.

Отдельно Н. Ф. Калинин пишет о финансах музея. «Денежные средства музея были скудные. Однако Ахметшин и Насыров тратили их бесхозяйственно и прямо преступно». Далее он приводит не только примеры нецелевого использования финансовых средств, но и конкретные случаи явной расточительности: неоправданные командировки, затраты на ремонт квартир руководства, принятие на работу заведомо неработающих сотрудников, «самовознаграждения» и пр.

«При таких обстоятельствах, – пишет Н. Ф. Калинин, – при фактах вопиющей безалаберности и прямой преступности я выступил на открытом партийном собрании в музее в октябре 1934 г. с большой речью, в которой указал на все то, что было отмечено выше, и на ряд других фактов. Я просил расследовать те факты, которые показались бы требующими проверки. В это время я информировал обо всем этом Общественно-политический совет музея» [22, л. 28].

В 1934 году несмотря на то, что не было никакого официального сокращения, Н.Ф. Калинина лишили всех сотрудников отдела. Это сокращение привело к тому, что  $\frac{3}{4}$  года он работал один и лишь к концу года ему дали помощницу. В результате был сорван годовой план исторического отдела. Как пояснил ученый: «Затормозилась важнейшая работа по переучету коллекций (в чем теперь меня обвиняют). Не было времени на научно-техническую работу». Ситуация усугублялась тем, что отдел Н. Ф. Калинина всячески ущемляли в финансовых вопросах [23, л. 29–30].

Желание Н. Ф. Калинина исправить положение в музее в положительную сторону сильно отразилось на отношении к самому ученому, «...т.к. я подавал сигналы в стенной газете музея и отдельными репортажами, которые не нравились администрации, началась систематическая травля меня и издевательства [подчеркнуто Н. К. – Р. З.]». Под давлением дирекции Н. Ф. Калинин был отдален от общественной жизни музея, ущемлен в педагогической деятельности и лишен премиальных, что огорчило его меньше, чем то, как его представили как «дурной пример, как ничего не делающего работника».

Указанные обстоятельства сильно повлияли на самочувствие и здоровье Н. Ф. Калинина. Источником травли и издевательств по отношению к нему на протяжении почти двух лет Н. Ф. Калинин видит в руководителях музея в лице К. Н. Насырова, Л. А. Ахметшина, Г. И. Республиканца. Однако ученый ничего не может сделать против системы, и даже в собственную защиту против сплотившихся оппонентов. В отчаянии он констатирует: «При невнимательном отношении к моим жалобам, неоднократно подававшимся, названные лица почувствовали большую силу и теперь доводят меня до ответственности перед судом, сами оставаясь безнаказанными. Между тем, крайне истощен от этой травли. За последние полгода 3 месяца был болен и в настоящее время болен. Прошу защитить меня, в конце концов, просто от физической гибели. В довершение всех издевательств дирекция не дает мне очередного отпуска» [24, л. 30–32].

Сильно отличаются от предыдущих объяснительных записок показания данные в третий раз. После ознакомления с предъявленным постановлением старшего следователя Гурьянова от 20 июля 1936 г. и со всем объемом обширного дела, Н. Ф.

Калинин 24 августа представил свои возражения, объяснения и замечания по существу вопроса в Прокуратуру ТАССР. Судя по тексту, в этом случае мы имеем дело не с безобидным человеком, просто оправдывающимся от клеветы и претензий, а с человеком затравленным, переходящим от оправданий к серьезным обвинениям.

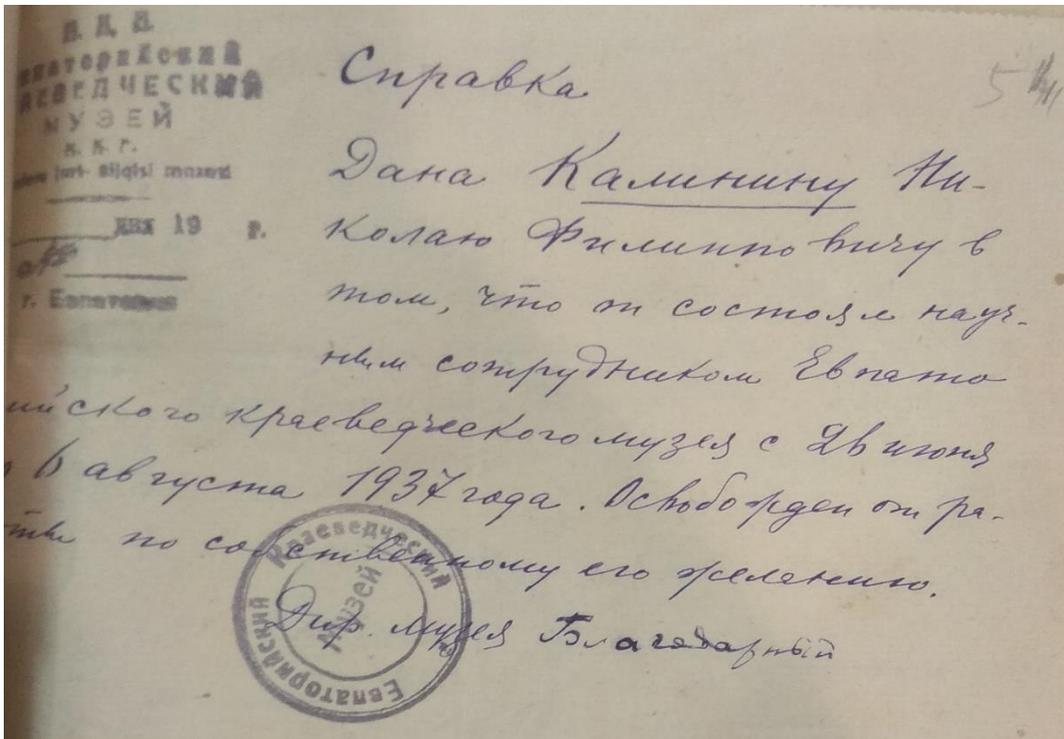


Рисунок 6. Справка из Евпаторийского краеведческого музея. Публикуется впервые. (АИЯЛИ АН РТ. Ф.8. Оп. 3. Ех.7 Л.54). Бумага, чернила. Август 1937 г.

С самого начала, текст Николая Филипповича приобретает политический характер, что и не удивительно. Фактически это был ответ тем людям, которые незаслуженно обвинили его не только в некомпетентности, но и в политических «отклонениях» и «непартийности», «не использовании указаний Энгельса–Ленина». Н. Ф. Калинин приписывались не только хозяйственные и организационные нарушения. Ему необоснованно вменялись и серьезные по тем временам обвинения, если напрямую и не связанные с политикой, то явно имеющие политическую окраску. По всей вероятности, именно эти обстоятельства вынудили его также выдвигать против своих оппонентов политические обвинения.

Свои возражения ученый начинает так: «Будто бы экспозиция была мной создана в 1933 г. под руководством троцкистов Эльвова и Медведева. Такое

припутывание меня к гадинам-контрреволюционерам способно с первых же слов скомпрометировать меня пред лицом общественности, партии и суда, между тем оно ни на чем не основано и голословно. Никакого руководства в деле построения исторического отдела эти двурушники и очковтиратели мне не давали... Вся роль Эльвова и Медведева сводилась к гонке в работе, штурмовщине, обещании в помощи, никогда не осуществлявшейся, и в хвастовстве музейными «достижениями» [25, л. 41].

По показаниям представителя комиссии следственного комитета Квицинской, «Калинин – бывший меньшевик...; Калинин и бывший директор музея Ахметшин протаскивали контрреволюционную контрабанду...» [26, л. 42]. Указывалось, что «Калинин очень активно занимался сбором коллекций фото военных, духовенства, купечества, царских чинов, членов царской фамилии, по всем правилам инструкции записывая их, тогда как не учитывал золота» и т.д. [27, л. 52]. Такие заключения Квицинской не могли не подтолкнуть Н. Ф. Калинина к ответным действиям, он требовал подтверждения этих слов или расценивать их как клевету.

Содержатся в объяснительной записке и напоминания о лояльности к партийным идеалам и обвинения руководства в «контрреволюционной деятельности». Применение резких выпадов против своих обвинителей, использование грубой, не свойственной для ученого лексики, дает нам основание полагать, что последние записки Н. Ф. Калинина писал, если не под диктовку, то под сильным давлением следователя.

Не характерные выражения ученому мог подсказать следователь, которому было выгодно получить как можно больше компромата на сотрудников музея. В пользу этого предположения следует также отметить и то, что в объяснениях часто встречаются ссылки на некие проверки, судебные и судебно-бухгалтерские экспертизы в музее, результаты допросов и показаний. Например, фигурируют показания бывшего директора Е. И. Медведева, в отношении которых было заведено дело, уволенного «за бездеятельность» бывшего директора Л. А. Ахметшина, а также показания действующих сотрудников музея о деятельности историко-археологического отдела и самого Н. Ф. Калинина.

Подробно и логично Николай Филиппович указывает на неточности, расхождения в датах и логические ошибки, допущенные комиссией под руководством Г. И. Республиканца, которая проверяла его музейную работу:

«О научности моей говорят такие «компетентные лица», как Республиканец, полуграмотный в историческом и музейном отношении, оказавшийся незнающим ничего о жизни В. И. Ленина в Казани и в апреле 1936 г. просивший меня написать побольше этих сведений (потом присвоивший эти материалы, выдавая их за свои). В июне 1936 г. во время пребывания в Музее музейного инспектора из Москвы т. Ермолаева, директор Республиканец спутал БУЛАВКИ с БУЛАВАМИ (древнее оружие). Глядя на редчайшие болгарские надгробья с единственными образцами письменности болгар XIII – XIV века, брался собрать «таких камней» ТЫСЯЧИ» [28, л. 44 об.].

Полную некомпетентность и безграмотность проверяющих работу ученого характеризует одно из замечаний, которое было отмечено комиссией. Как писал Николай Филиппович: «Некоторые требования... звучат анекдотично. Например – «нет хронологии показа политической истории Булгарского государства». Нельзя требовать того, что вообще неизвестно исторической науке. События внутренней истории Булгарского государства неизвестны почти вовсе, тем более нельзя представить хронологически последовательной его истории. Это не в силах сделать пока ни один историк» [29, л. 46 об.].

Учитывая обстановку в стране того времени, надо признать, что закончилась эта история для Н. Ф. Калинина вполне удачно. Это было время, когда в сталинских лагерях оказывались тысячи репрессированных по менее тяжким доносам и обвинениям. В итоге ученый все же не был арестован и дело завершилось только увольнением его из музея. В архиве ИЯЛИ, где хранятся его объяснительные записки следователю, не имеются даже постановления о возбуждении или в отказе о возбуждении уголовного дела, о мере пресечения и т.д. По архивным документам мы не можем точно определить, было ли вообще заведено уголовное дело, а если заведено, то по каким причинам оно прекращено. Однако, так или иначе, здоровье Н. Ф. Калинина, в связи с этим оказалось сильно подорванным, а моральный дух заметно ослаб. Описанные выше события сильно повлияли на характер ученого и на его отношение к коллегам. Он стал более циничным, мало кому доверял, часто перепроверял проводимые сотрудниками и его учениками работы.

После увольнения из музея Николай Филиппович продолжил работу в школе № 2 (до 1940 г.). Проливают свет на биографию исследователя в период 1937 г. имеющиеся в архиве ИЯЛИ удостоверения и записи. Сохраняя интерес и любовь к археологии, ученый весной обратился в ГАИМК с просьбой включить его в экспедиционные работы академии [30, л. 25]. Однако в виду того, что «ассигнования на отдельные экспедиции еще не уточнены, а также не уточнен еще и план новостроечных работ», Николаю Филипповичу было предложено место в Казахстанской экспедиции. Однако участие в данной экспедиции смутило его незнанием условий работы и сроками (июль-сентябрь), тогда как он имел возможность проработать с июня по август – во время летнего отпуска в школе [31, л. 24 об.].

По всей видимости, в экспедицию ученый не попал. Нами было установлено, что с 26 июня по 6 августа 1937 года Николай Филиппович работал в Евпаторийском краеведческом музее в должности научного сотрудника (Рис. 6) [32, л. 52 и 54]. Судя по личным заметкам, Н. Ф. Калинин принимал участие в организации экспозиций и составлял «этикетки» – текстовые исторические справки о народах и археологических культурах Крыма [33, л. 2–17].

Впрочем, в 1938 г. Н. Ф. Калинин смог восстановиться в Центральном музее ТАССР<sup>1</sup>, но уже не заведующим, а старшим научным сотрудником исторического

<sup>1</sup> Возможно, его возвращение было связано с тем обстоятельством, что в 1937 г. органами НКВД был арестован Г. И. Республиканец и снят с поста директора Центрального музея ТАССР.

отдела. Тогда же были начаты систематические раскопки Болгарского городища под рук. А. П. Смирнова и активном участии Н. Ф. Калинина [34; 35, с. 353]. В 1939 г. в ТАССР был создан научно-исследовательский Институт языка и истории, а в Казанском университете возрожден историко-филологический факультет. С активной научной и преподавательской деятельностью ученого в этих учреждениях наступает новый этап в его жизни и творчестве.

**Список использованных источников и литературы**

1. Ситдииков А. Г., Старостин П. Н. Николай Филиппович Калинин (1888–1959).– Казань: КГУ, 2002.– 24 с.  
Sitdikov A. G., Starostin P. N. Nikolay Filippovich Kalinin (1888–1959).– Kazan: KGU, 2002.– 24 s.
2. Зоря Р. С. К биографии ученого: деятельность Н. Ф. Калинина во 2-й половине 1930-х – конце 1940-х годов // Советская археология до и после Великой Отечественной войны (вторая половина 1930-х – конец 1940-х годов): матер. Международной научной конф. / Ин-т археологии РАН; Отв. ред. И. А. Сорокина.– М., 2021.– С. 30–31.  
Zorya R. S. K biografii uchenogo: deyatelnost N. F. Kalinina vo 2-yu polovine 1930-h – kontse 1940-h godov // Sovetskaya arheologiya do i posle Velikoy Otechestvennoy voyni (vtoraya polovina 1930-h – konets 1940-h godov). Materialy Mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii / Отв. ред. И. А. Сорокина.– М.: Institut arheologii RAN, 2021.– S. 30–31.
3. В октябре 1923 г. Н. Ф. Калинин был принят в Общество археологии, истории и этнографии при Казанском университете. С 1928 г. до прекращения деятельности Общества в 1931 г. он являлся научным секретарем секции археологии и искусства. Кроме того, ученый в 1925–1928 гг. состоял в Татарском бюро Краеведения, являлся одним из членов-учредителей Общества изучения Татарстана, в котором с 1928 по 1931 г. возглавлял бюро (секцию) школьного краеведения. См. АИЯЛИ АН РТ, Ф. 8. Оп. 2. Ех.7. Л. 14; Оп. 3. Ех.7. Л.1, Ех.17. Л. 10, Ех.25. Л.3.; НА РТ. Ф. 447, Оп. 1. Д. 16. Л. 3 и 6.  
V oktyabre 1923 g. N. F. Kalinin byl prinyat v Obschestvo arheologii, istorii i etnografii pri Kazanskom universitete. S 1928 g. do prekrascheniya deyatelnosti Obschestva v 1931 g. on yavlyalsya nauchnyim sekretarem sektsii arheologii i iskusstva. Krome togo, uchenyy v 1925–1928 gg. sostoyal v Tatarskom byuro Kraevedeniya, yavlyalsya odnim iz chlenov-uchrediteley Obschestva izucheniya Tatarstana, v kotorom s 1928 po 1931 g. vozglavlyal byuro (sektsiyu) shkolnogo kraevedeniya. Sm. AIYaLI AN RT, F. 8. Op. 2. Eh.7. L. 14; Op. 3. Eh.7. L.1, Eh.17. L. 10, Eh.25. L.3.; NA RT. F. 447, Op. 1. D. 16. L. 3 i 6.
4. Руденко К. А. Организации и учреждения археологического профиля в 1917 – начале 1930-х годов в Казанской губернии – ТАССР // Очерки истории отечественной археологии. / Отв. ред. И. А. Сорокина.– М.: ИА РАН, 2019.– Вып. V.– С. 277–304.  
Rudenko K. A. Organizatsii i uchrezhdeniya arheologicheskogo profilya v 1917 – nachale 1930-h godov v Kazanskoj gubernii – TASSR // Ocherki istorii otechestvennoy arheologii. / Отв. ред. И. А. Сорокина.– М.: IA RAN, 2019.– Vyip. V.– S. 277–304.
5. АИЯЛИ АН РТ. Ф.8. Оп. 2. Ех.50.  
AIYaLI AN RT. F.8. Op. 2. Eh.50.
6. АИЯЛИ АН РТ. Ф.8. Оп. 2. Ех.48.  
AIYaLI AN RT. F.8. Op. 2. Eh.48.
7. Руденко К. А. История археологического изучения Волжской Булгарии (X – начало XIII в.).– Казань: Республиканский центр мониторинга качества образования, 2014.– 767 с.  
Rudenko K. A. Istoriya arheologicheskogo izucheniya Volzhskoy Bulgarii (X – nachalo XIII v.).– Kazan: Respublikanskiy tsentr monitoringa kachestva obrazovaniya, 2014.– 767 s.
8. АИЯЛИ АН РТ. Ф.8. Оп. 2. Ех.50.  
AIYaLI AN RT. F.8. Op. 2. Eh.50.
9. АИЯЛИ АН РТ. Ф.8. Оп. 2. Ех.52.  
AIYaLI AN RT. F.8. Op. 2. Eh.52.
10. Там же.  
Tam zhe.

11. Ситдииков А. Г., Старостин П. Н. Николай Филиппович Калинин (1888–1959).– Казань: КГУ, 2002.– 24 с.  
Sitdikov A. G., Starostin P. N. Nikolay Filippovich Kalinin (1888–1959).– Kazan: KGU, 2002.– 24 s.
12. АИЯЛИ АН РТ. Ф.8. Оп. 2. Ех.52.  
АЙҮәЛИ АН РТ. Ф.8. Оп. 2. Ех.52.
13. АИЯЛИ АН РТ. Ф.8. Оп. 3. Ех.9. Л  
АЙҮәЛИ АН РТ. Ф.8. Оп. 3. Ех.9.
14. Там же.  
Tam zhe.
15. Там же.  
Tam zhe.
16. Формозов А. А. Русские археологи и политические репрессии 1920–1940-х гг. // Российская Археология.– 1998. – № 3. – С. 191–206.  
Formozov A. A. Russkie arheologi i politicheskie repressii 1920–1940-h gg. // Rossiyskay Arheologia.– 1998. – № 3. – С. 191–206.
17. АИЯЛИ АН РТ. Ф.8. Оп. 2. Ех.50.  
АЙҮәЛИ АН РТ. Ф.8. Оп. 2. Ех.50.
18. Там же.  
Tam zhe.
19. АИЯЛИ АН РТ. Ф.8. Оп. 4. Ех.44.  
АЙҮәЛИ АН РТ. Ф.8. Оп. 4. Ех.44.
20. Там же.  
Tam zhe.
21. АИЯЛИ АН РТ. Ф.8. Оп. 2. Ех.52.  
АЙҮәЛИ АН РТ. Ф.8. Оп. 2. Ех.52.
22. Там же.  
Tam zhe.
23. Там же.  
Tam zhe.
24. Там же.  
Tam zhe.
25. Там же.  
Tam zhe.
26. Там же.  
Tam zhe.
27. Там же.  
Tam zhe.
28. Там же.  
Tam zhe.
29. Там же.  
Tam zhe.
30. АИЯЛИ АН РТ. Ф. 8. Оп. 2. Ех.156.  
АЙҮәЛИ АН РТ. Ф. 8. Оп. 2. Ех.156.
31. Там же.  
Tam zhe.
32. АИЯЛИ АН РТ. Ф. 8. Оп. 3. Ех.7.  
АЙҮәЛИ АН РТ. Ф. 8. Оп. 3. Ех.7.
33. АИЯЛИ АН РТ. Ф. 8. Оп. 2. Ех.53.  
АЙҮәЛИ АН РТ. Ф. 8. Оп. 2. Ех.53.
34. Хлебникова Т. А. История археологического изучения Болгарского городища, стратиграфия, топография // Город Болгар: очерки истории и культуры. / Отв. ред. Г. А. Федоров-Давыдов.– М.: Наука, 1987. – С. 34–89.

Hlebnikova T. A. Istoriya arheologicheskogo izucheniya Bolgarskogo gorodishcha, stratigrafiya, topografiya // Gorod Bolgar: ocherki istorii i kul'tury. / Otv. red. G.A. Fedorov-Davydov.– М.: Nauka, 1987. – S. 34–89.

35 Зоря Р. С., Ситдигов А. Г. Н. Ф. Калинин: изучение и сохранение историко-археологического наследия Болгарского городища // Археология Евразийских степей. – Казань, 2021. – № 2. – С. 347–361.

Zorya R. S., Sitdikov A. G. N. F. Kalinin: izuchenie i sohranenie istoriko-arheologicheskogo naslediya Bolgarskogo gorodishcha // Arheologiya Evraziyskih stepey. – Kazan, 2021. – № 2. – S. 347–361.

**Zorya R. S. «Please protect me, after all, from physical death...»: new facts to biography of N. F. Kalinin**

Based on archival sources at the Institute of language, literature and Arts of Tatarstan Republic Academy little-known facts are reported about the biography of an eminent Kazan historian, archeologist, a museum scientist and pedagogue Nikolay Filipovich Kalinin (1888–1959). These sources demonstrate the difficult circumstances in which TASSR Central Museum was in those years and partially convey the situation that reigned in the walls of the institution. The events related to the conflict between the researcher and the leaders of the TASSR Central Museum in 1934–1936, which led to his dismissal, are considered in detail. Involvement of materials of judicial and investigative measures in Kalinin case, as well as the use of the office documentation and the scientist's epistolary heritage gave the opportunity to shed light on difficult events in the life of the researcher in 1936–1938. It is established that one of the main founders of archeological school in Kazan in 1937 for a short period of time worked on the Crimean peninsula in Evpatoria Museum of local history.

Keywords: archaeology, N. F. Kalinin, Tatarstan, Evpatoria museum, TASSR Central Museum, biography, local history.